

Борис ДЫШЛЕНКО

Борис Иванович Дышленко (1941–2015) – писатель и художник ленинградской «второй культуры», один из первых лауреатов Премии Андрея Белого (1980), постоянный автор журналов «Часы», «Обводный канал», печатался в «Гранях», альманахе «Лепрозорий – 23», составленном К. Кузьминским. Его первый авторский сборник «Повести и рассказы» вышел также в самиздате, в серии «Библиотека журнала “Обводный канал”» (1984).

С конца 1980-х, когда публикационные возможности расширяются, его тексты появляются в журналах «Звезда», «Нева», «Родник»; в издательстве журнала «Звезда» печатается сборник «На цыпочках» (1997), репрезентативно собирающий знаковые произведения 1960–80-х годов. Постепенно выходят и крупные формы – роман «Контуры и силуэты» под названием «Ложный силуэт» публикует в 1999 г. журнал «Нева»; ранний роман «Созвездие Близнецов» в 2009 г. печатается в «Звезде»; отдельными книгами выходят «Контуры и силуэты» (ДЕАН, 2002) и итоговый для автора текст, результат 20-летней работы – «Людмила. Детективная поэма» (Юолукка, 2012).

Новый виток интереса к Б. Дышленко возникает в последние годы. В 2024 г. издательство «Ibicus Press» выпускает впервые собранный полностью цикл «Жернов и общественные процессы». 2026 год, юбилейный для писателя, начался с публикации в журнале «Звезда» неизданной повести «Swanland», а в издательстве «Престиж Бук» готовится Собрание сочинений в 4 томах.

Неизданные и ранее не известные читателю тексты составляют и сегодняшнюю публикацию. Это произведения, сохранившиеся у сына писателя – Ивана Дышленко, открывшего для исследования и издания папку с электронными файлами отца.

Для публикации отобраны только художественные тексты и те, которые представляются законченными (или практически законченными). Они разнообразны в жанровом отношении: микро-рассказы, зарисовки путешественника, пьеса. Как представляется, издание их вместе не только показывает возможности автора и открывает новые его стороны, но и лишний раз доказывает удивительное единство и устойчивость важных для Дышленко тем, ракурсов и даже писательских технологий.

Микро-рассказы пишутся в период 2007–2011 гг. Три из них в свое время были отобраны для публикации в 5-м сетевом номере возрожденной Алексеем Давыденковым «Топки». Их обнаружение создает контекст для цикла миниатюр «Малые Шведки и мимолётные упоминания о иных мирах и окрестностях» (Звезда. 2010. № 7), которые прежде представляли экспериментальной для Дышленко жанровой формой. Теперь же видна и работа над формой миниатюры, и концептуально-тематическая общность проблематики, очевидно, занимавшей Дышленко.

«Впечатления» составляет цикл миниатюр, написанных после поездки в Америку к брату – художнику Юрию Дышленко в 1991 году. Непрерывный интеллектуальный диалог братьев и духовное/душевное близнечество – один из лейтмотивов творчества Бориса Дышленко. Неслучайно в образах «Впечатлений» возникают отсылки и к его раннему роману «Созвездие Близнецов», герой которого Коля – обобщенный образ братьев Дышленко и еще больше – их художественной оптики, и к роману «Контуры и силуэты», законченному в 1996 году и отзывающемуся на смерть Юрия.

Пьеса «Угорь» открывает Дышленко-драматурга, до сих пор мало известного, хотя другая его драматургическая вещь «Канатоходец» в 2010 году опубликована на сайте Премии Андрея Белого. Обе пьесы строятся на излюбленном дышленковском принципе неразличения или подмены персонажей: в «Канатоходце» актер, играющий героя, постепенно вытесняет его; в «Угре» дети Владик, Стасик, Ростик – Владислав, Станислав и Ростислав – сливаются для отца в одном имени Слава. В том и другом

случаях этот эффект неразличения дает и интригу, развивающую действие, и экзистенциальную тревогу – сопровождающий интригу саспенс. Однако важнее этой внешней занимательности само удержание текста в балансирующем состоянии: между попыткой уловления смысла происходящего и невозможностью придания этому уловлению формы.

Здесь базовая особенность эстетики и поэтики Бориса Дышленко: главным занимающим его вопросом и одновременно эффектом становится неуловимость образа / состояния / идеи. В его тезаурусе эта неуловимость определяется через метафору порога и пороговую оптику: удержание текста на пороге оформления или становления, переключение его с поиска отгадки на суть самой загадки, бесконечное смысловое рассеивание, подвешивающее в воздухе саму возможность сформулировать происходящее. Поэтому его персонажи меняют имена и подменяют друг друга, события не достигают своего свершения или предстают своей оборотной стороной, а читатель получает не ответы, а опыт остранения вопроса. Потому и произведения как будто не завершаются, образуя циклы и серии, отражаясь друг в друге, рифмуя образы и мотивы, прорабатывая варианты сюжетов и жанров – формируя единый сверхтекст, в котором все элементы всегда должны оставаться «в пути».

Безусловно, стоит иметь в виду, что тексты не готовились к публикации автором и, возможно, не представляют финальную редакцию. Однако даже в этом виде они способны доставить удовольствие от погружения в «пороговую» мастерскую Бориса Дышленко.

Елена Тюленева

РАССКАЗЫ И ПЬЕСА

Дырка

Слышу сзади кто-то: Браток, эй, браток! Повернулся – солдатик. Хорошо, вроде, обстрелянный, бывалый, а лет этак за тридцать. Чего тебе, говорю, дядя? А он мне: Да так, говорит, табачком с тобой хочу поделиться. Я удивился: бывает, что попросят, а чтоб сам предложил, так нет. Что это ты, говорю, с какой, говорю, стати? А он мне: А ты мне за это услугу окажешь. Давай, говорю, если дело честное. Честное, говорит, уж куда честней. Ну, что делать надо? Сейчас, говорит. Присел, размотал обмотку, газету достал. Вот, говорит, свезти да передать, и всех тебе дел. Кому, говорю? Подойдет на станции... А сам все улыбается, улыбается... Дал мне десять папиросок, такие на фронте попадались: без мундштука, вроде папиросы, но скручены на фабрике, немецкие или австрийские цыгарки. Слабоваты против наших, но выбирать не приходится, да и удобно: завернул в тряпочку и в гимнастерку, в карман. Надо – закурил, сворачивать не приходится. А что, говорю, за газета? Читать умеешь? Грамотный. Тогда читай. Читаю: «Известия». А тут дырка. Вот дырку и свези. А сам все улыбается, улыбается...

А вы сами, извиняюсь, вроде как из жидов будете? Верно. А как же вы, говорю, против своих-то? Чего это, говорит, против своих? черту они свои, а не мне. Так комиссары, говорю, все больше из жидов. Как же, говорю, против своего, говорю, брата. Против брата, говорит? Вижу, погрустнел. Верно, говорит, против брата, в самую точку ты, Коля, попал, брат у меня в чека служит. Так как же, извиняюсь, ваши-то все за

красных, как же, говорю, так? Не все, говорит, Коля, это, которые на виду – им подай все и сразу. А в местечках ты, Коля, не бывал. Там народ трудовой: кто кует, кто лудит, кто в извозе. Да что ты, говорит, Коля, мы все отсюда. Нам, главное, Россию отстоять.

А только ты мне, Коля, верь.

А глаза ясные-ясные, как стекло. Крыщан Иванович, вот думаю, еще один Бог весть откуда. Немец, что ли. Имя, говорю, извиняюсь, напечатайте. Какое-то оно непривычное, вроде не христианское. Тут они все трое как расхохочутся. Не христианское? ха-ха-ха! Не христианское! Ну, Николай, уморил! Да куда ж христианней – это русский говорит, – когда имя само Христиан. Извините, говорю, я не знал, уж как-то вы его на свой манер произносите, что и не узнать. Так откуда ж он все-таки, спрашивает этот русский? Говоришь, губернию определить не можешь? Значит, не скобарь, не ярославец, Не из Вологды и не из Рязани (там грябы с глазами), русский, говоришь, а губернию не знаешь. А не офицер ли этот твой бывалый? Дырку, говоришь, передать?

Наш бьет, так пеной исходит, а этот нет, и не знаешь, когда жахнет. Бьет и улыбается, спокойный такой.

А Крыщан лежит спокойный, будто и не бегал минуту назад, лежит, а во лбу дырка.

Людоед

В детстве я очень боялся людоедов. Когда к нам в дом приходили наши большие с громкими голосами гости, я от страха забираюсь куда-нибудь подальше, в другую комнату, в угол, и сидел там между родительской кроватью и туалетным столиком, вздрагивая от доносившихся туда взрывов уверенного взрослого веселья. Меня находили, вытаскивали оттуда, приводили в общую комнату, где за столом пировали гости, шумно одобряющие меня мужчины и женщины, и заставляли с выражением читать стихи. Я читал, но получалось плохо, я запинаясь, путаясь, сбиваясь, потом начинал плакать. Тогда мне давали что-нибудь сладкое и отпускали.

Однажды, проходя по саду, я увидел сидящих на скамейке Ларису Адамовну и Александра Андреевича. Заметив меня, они переменились, как будто до этого были немного другими. Сидят на скамейке, улыбаются мне, красные, потные, дышат... Я смутился, постоял немного и ушел. Потом, когда гости уже все разошлись, я спросил маму: «Мама, Александр Андреевич людоед?» «Ну что ты, деточка! – ответила мама. – С чего ты взял?» Мама пожала плечами.

Вчера ко мне пришел Николай Константинович Людоед. Людоед это его фамилия. Странная фамилия, непонятно, почему такая. Может быть, когда-то окружавшие его отдаленного предка соседи прозвали его так за дурной и сварливый характер. Сам Николай Константинович человек добродушный и полный, пышные светлые усы, двое детей. Он любит играть в шахматы и курит сигары. Но в разговоре его обычно голубые глаза иногда вдруг загораются красноватым огнем.

Вечерет, но пока еще светло. Я иду по улице в верхней части нашего небольшого города. Дети, завидев меня, бегут на расстоянии сбоку и кричат: «Людоед, людоед!» Кто-то распустил по городу такой слух.

Танец маленьких лебедей

За торговым центром протянулся большой грязный пустырь. Вероятно, впоследствии здесь предполагалось что-нибудь построить, но пока он был чем-то вроде свалки: просто обширное, относительно ровное место, заросшее сорной травой, среди которой кое-где попадались островки строительного мусора, выброшенные ненужные вещи, слишком громоздкие для помойки; тускло блестящие полиэтиленовые пакеты, да обрывки газет, размокшие от дождей, а теперь высохшие и заскорузлые. Кто-то выставил сюда черный кабинетный рояль. Эти люди зачем-то вытащили его на самую середину пустыря, и он, потеряв здесь свою парадность, один стоял среди пыльной, сухой травы, и это выглядело как нарочитая декорация для экспрессионистского фильма.

Неподалеку на обломке ноздреватого, подомшелого снизу бетонного блока устроилась случайная компания из трех человек. Двое из-за их общего оживления казались хорошо знакомыми между собой людьми; третий держался несколько отчужденно, видимо, он просто вошел с ними в долю. Это был высокий бледнолицый субъект с холодными, прозрачными глазами, он присел на край блока и стал ждать, пока другие хлопотали. Один из друзей, лет пятидесяти, румяный, прилично одетый, налил в принесенный с собой стакан темно-красного вина из тяжелой бутылки и протянул равнодушному соучастнику.

Тоненькая большеголовая девочка в белых гольфиках показалась на краю пустыря. Она подошла к роялю и, подняв крышку, сыграла «Танец маленьких лебедей». Бледнолицый мужчина своим холодным взглядом смотрел туда, на рояль и на девочку.

Вечером какие-то случайные люди разнесли его в черно-белые щепки.

Инвалид

Весной и летом я встречал его каждый день и каждый раз забывал об этом. Иногда он отдыхал на лавочке в проходе к своему подъезду, напротив которого через дорогу располагалась помойка с ржавым рядом круглых мусорных бачков, как грибы проросших из груды сырых отбросов. Он сидел, протянув в проход негнувшиеся протезы и положив по бокам на край скамейки алюминиевые костыли. Ему всегда было трудно управляться с ними из-за того, что вместо правой руки у него тоже был протез. Бывало, он попадался мне навстречу, тяжелый, грузный, с одутловатым без выражения лицом, с отечными веками; или передвигался впереди меня, тяжело падая подмышками на костыли, а затем перебрасывая обе ноги сразу. Я прибавлял шагу, чтобы скорей обогнать его и избавиться от тягостного впечатления, производимого этим зрелищем. Не знаю, жил ли он один и кто за ним ухаживал, – сколько я ни встречал его, с ним никогда никого не было. Осенью он перестал появляться на скамейке, и я забыл о нем, и только однажды, возвращаясь домой и бросив случайный взгляд на его подъезд, я холодно, без сожаления или иного чувства подумал, что, может быть, он умер или не выходит потому, что, как я где-то слышал, у калек в дурную погоду сильнее болят их культи, и тут же переключился на что-то другое.

Как-то в начале зимы по дороге из торгового центра, расположенного в нашем микрорайоне, проходя мимо той помойки, что была напротив его подъезда, на куче отбросов, покрытой тонким слоем выпавшего снега, я увидел зажатые между двумя торчащими бачками красивые, как женские, гладкие, розовые ноги вместе с ярко-желтым кожаным широким и жестким поясом с никелированными пряжками и ремешками и одну такую же руку в маленькой черной перчатке.

Ангел

Небольшой, плотный дед сидел перед грязной песочницей на облупившейся скамейке и искал какое-нибудь развлечение для своих равнодушных выцветших глаз.

Вчера он посмотрел передачу про ветеранов и его жизнь казалась ему поучительной и важной. Сегодня ему хотелось поделиться своим героическим прошлым с кем-нибудь из тех, кого он, не различая, называл молодым поколением, чтобы кто-нибудь оценил его причастность к истории и был ему благодарен. Молодая женщина, проходившая мимо, усадила белокурого мальчика на скамейку, чтобы зашнуровать его ботинок, потом сама присела на краешек и достала из сумки пачку сигарет. Старик слегка оживился, придвинулся.

– Не угостишь, дочка?

Женщина вежливо впереди сидящего мальчика протянула ему надорванную пачку. Старик долго выковыривал из нее сигарету.

– Я сам не курю, – сказал он для разговора. – Так, испорчу одну. Спички не дашь?

Женщина принужденно улыбнулась, протянула коробок. Мальчик сидел, набычившись, смотрел никуда и вперед.

– А тебя как зовут? – с фальшивой ласковостью спросил дед мальчика. – Сколько лет?

– Коля, – ответила за мальчика мать, – четыре с половиной.

– То-то сорванец, – бессмысленно сказал старик. Мальчик сидел спокойно, но дед много смотрел телевизор, а там подобные ему старики называли мальчиков сорванцами. – Пионер?

– Что вы, он еще в школу не ходит, – ответила мать.

Но дед не обращал внимания.

– А ты знаешь, с кем разговариваешь? – важно сказал он малышу. – Я пограничником был, родину нашу берег. – Мальчик ничего не знал о пограничниках, но дед надеялся, что, может быть, мама оценит. – Один раз нарушителей целую семью задержал вместе с козой. Коза и выдала: замекала в кустах. А ты кем, когда вырастешь, будешь? – спросил дед, хотя ему это было все равно, и он не слушал ответ. – Кем будешь? – спросил старик у кого-то невидимого впереди. – Когда вырастешь, – отвлекаясь, повторил дед, – небось космонавтом...

Ангелом, – ответил Коля.

Он вырос и стал ангелом.

Просто Журавлев

Мы любим буги-вуги.

Мы любим буги-вуги.

Мы любим буги-вуги, мы танцуем буги-вуги каждый день.

Журавлев хотел обрадоваться. Он очередной раз пытался обрадоваться. Они шли мимо него, молодые и пожилые и всякие, и никто не обращал внимания. Да и с чего бы, а он... Нет, ему не удавалось обрадоваться.

Мы любим буги-вуги, мы танцуем буги-вуги каждый день.

– Ты же не какой-нибудь Джексон, – сказал комендант общежития, – ты ж просто Журавлев.

Теперь эти буги-вуги переместились в Россию, и их можно кому угодно играть, петь и даже танцевать, и никто – ничего. И добро бы Россия каким-то необъяснимым образом перенеслась, например, в Америку, так нет же, лежит себе на том же пространстве, в тех же меридианах и даже параллелях и с тех пор не сдвинулась ни на метр.

Его исключили из комсомола и вслед за тем из института и выписали из общежития. Он понимал: это за то, что он Журавлев, он посягнул на чью-то врожденную, чью-то законную утонченность – ведь Джексон, в отличие от Журавлева, это не просто. И комендант общежития, и комсомольская организация тоже это понимали. А теперь он

стоял возле торгового центра, а из динамика неслась эта музыка и буги-вуги, и все были джексоны, и им было можно.

«Почему же мне нельзя?» – спросил сам себя Журавлев. И сам себе ответил: «Потому что я просто Журавлев».

Хорошая реакция

Если у Лобова и было что-нибудь выдающееся, так это реакция. Просто исключительная реакция была у Лобова. Когда в присутствии Лобова со стола что-нибудь падало, например, бутылка или какая-нибудь рюмка, даже когда с вином, – оно, падая, до полу не долетало – всегда Лобов успевал подхватить. Вино при этом, конечно, выливалось, но рюмка все равно оставалась целой в проворной руке, если же бутылка, тогда – и вообще пустяки.

– Ну и реакция у тебя, Лобов! – говорили знакомые и качали головами.

Правда, однажды по ошибке подхватил он стакан с только что налитым чаем и так при этом ошпарился, что потом целый день кряхтел и постанывал, но выводов для себя не сделал – по-прежнему гордился своей исключительной реакцией.

То есть не все время, а каждый раз при случае гордился и вспоминал, как однажды, еще в комсомольском возрасте он благодаря этой своей реакции чуть было не вышел в финал по пинг-понгу.

Если где-нибудь на выходе из магазина внезапно открывалась дополнительная касса, он мгновенно из своей очереди туда перебежал и вместо второго оказывался первым. На эскалаторе тоже всегда проскакивал на свободную ступеньку так быстро, что оказавшийся сзади него пассажир не успевал развернуть спортивные новости. Так, если посчитать, сэкономил Лобов в своей жизни немало секунд, из которых, как известно, складываются минуты и, в свою очередь, часы. А знакомые все качали головами и говорили:

– Ну и реакция у тебя, Лобов!

Однажды он стоял на перекрестке. По проспекту непрерывным, как говорится, потоком катился личный, общественный и грузовой автотранспорт. Он катился и катился, а Лобов внимательно наблюдал поверх автопотока за светофором на той стороне, дожидаясь зеленого человечка. Дождлся красного, напрягся, внимание, старт!

В микросекунду он пулей рванулся вперед и... распластался, расплющился на радиаторе тяжелого автофургона – у водителя была не такая реакция.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Американское имя

Окоренное бревно было таким толстым, что Колин мог сидеть на нем, заложив нога за ногу, как на лавке – так и сидел. Справа и чуть сзади штабелем, одно на другое было положено еще несколько таких же гладко очищенных бревен. Те, другие деревья, росшие по склонам небольших, как дюны, холмов (никто не мог сказать Колину их название) были тоньше и не сгущались в отдалении. Они имели зеленоватую, как у осины, кору и дубовые листья. Эти съезжившиеся листья покрывали влажную, пожухлую траву у ног Колина, но не целиком, а отдельными темно-бурыми островками. Впереди под ржавый железнодорожный мост, а может быть, заброшенную ветку сабвэя уходила неширокая и не очень оживленная в этот час Саут Парк Лэйн и скрывалась там, за гладким поворотом.

Колин вынул из коричневого бумажного мешочка банку и открыл ее, но прежде чем пить, достал из кармана куртки мягкую пачку «кэмела» без фильтра (здесь это называлось «рэгьюлэр») и закурил. Он подумал, что в Нью-Йорке ему, пожалуй, скучно.

Слева, с магистрали Саут Парк Лэйн бесшумно свернул на полянку и остановился напротив двухцветный полис-кар. Из автомобиля вылез полицейский в кожаной куртке и не спеша подошел к нему. Полицейский был небольшого роста с желтоватым, смуглым лицом, он остановился и стал смотреть на Колина. Ничего не говорил.

Колин встал.

– Что-нибудь неправильно, офицер? – спросил он, хотя прекрасно знал, что именно неправильно.

Ему понравился маленький, пузатый револьвер, приподнимавший округлой рукояткой куртку полицейского. Он подумал, что, наверное, мог бы достать здесь такой, но решил, что ему все равно не удалось бы вывезти его из Америки.

Вы, наверное, иностранец, сэр, – мягко сказал полицейский, – так что я не буду вас штрафовать.

Скажите, что не так офицер, – невинно спросил Колин, – и я не буду этого делать. Может быть, нельзя курить?

– Курить не запрещается, сэр. Пока не запрещается, полицейский усмехнулся. – С пивом неправильно. В штате Ну-Йорк банку нужно держать в пакете. Так они здесь делают.

Он наклонился и поднял брошенный Колиным пакет. Потом взял со ствола открытую банку, вставил ее в пакет и подал Колину.

Вот так, – сказал полицейский. – А курить можно. В Ну-Йорке можно. Вы откуда?

– Русский, – сказал Колин, – из Ленинграда. Хотите проверить паспорт?

– Если вы хотите, – сказал полицейский. – У нас так не делают. Может быть, в России... Вообще-то, я бы посмотрел, никогда не видел. Но это вы предложили. Колин вынул из внутреннего кармана и подал ему паспорт.

– Красный, – сказал полицейский и засмеялся. – Перелистал паспорт. – Хе, Колин! – удивился он. – Американское имя. У вас так?

Колин тоже засмеялся. – Это русское имя, – сказал он, – Ванин, Мишин, Колин – всё русские имена.

– Хе! – полицейский покачал головой, вернул паспорт. – До свиданья, сэр. Помните про пакет.

Полис кар вырулил задом на Саут Парк Лэйн и скрылся за мостом.

– Все не так, – сказал Колин.

Он отпил из банки глоток: и вкус был не такой. Он вынул банку из пакета, посмотрел на нее. Не так. В лавке на Джамэйка турок вместо «пльзенера» продал ему «бадвайзер». По привычке. Так они здесь делают.

Детство

Бесконечный, загибающийся плавной дугой тоннель был облицован желтоватым кафелем, по которому неровной пленкой струилась вода. Такая заброшенность и бесприютность даже понравились Колину в его рассредоточенном и отрешенном состоянии. Появилось ощущение чего-то забытого, затерявшегося в россыпи гораздо более ярких впечатлений, чего-то из раннего детства, кажется, какая-то женщина в белом, плотно завязанном платочке и с очень бледным лицом, точнее, только этот платочек и лицо. И еще запах, тяжелый запах ихтиоловой мази, корвалола и чего-то еще, но здесь пахло сыростью, и запах сырости тоже был как-то связан с больницей. Это ощущение облачком, не оставив следа, отлетело, когда он вышел из тоннеля и в сгущавшихся сумерках увидел противоположную сторону улицы: ряд старомодных рустованных

четырёх- и пятиэтажных домов. Здесь ему пришлось сосредоточиться, чтобы определить направление. Брат сказал ему, что Беннет стрит это где-то на Вашингтон Хайтс в районе двухсотых улиц. Он огляделся и увидел, что вверх домов больше нет, а вниз, по его стороне, почти до самого перекрестка протянулась высокая, отвесная базальтовая скала с тянущимися вверх из узких расселин изогнутыми деревьями. Он пошел вниз под черной скалой, уже забыв о письме и о людях, к которым он шел, и опять погружаясь в какое-то другое, но тоже связанное с детством чувство, и в этот момент, в уже опустившейся темноте вдруг низко вдоль улицы пронесся глубокий и звонкий женский крик: «Юра, зайди сейчас к мистеру Туманову. Он ждет тебя в своем офисе на Бродвее».

Ист и Вест

В небольшой тусклой витрине были выставлены всякие мелкие, по большей части непристойные предметы: зажигалки в виде маленьких пенисов; горчишницы, из которых при открывании опять же выскакивал пенис; волосатая пепельница, имитирующая вагину; огромный ассортимент презервативов с возбуждающими приспособлениями и одна расческа, выскакивающая из рукоятки, как нож. Собственно, из-за этой расчески Колин и зашел в эту непритязательную лавочку, наверное, самую непритязательную на всей Сорок Второй улице. Там была только одна посетительница, женщина лет сорока, приземистая, невзрачно одетая, с испитым, серым лицом. Она стояла у прилавка и, не отрываясь, тупо смотрела на разложенные веером под стеклом порнографические карты. Колин удивился, увидев на картах одних только женщин, но его расческа лежала как раз рядом, и он остановился здесь. Из-за занавески появился продавец, низенький китаец с издевательски угодливой улыбкой и неизменным «Can I help you?». Колин показал на расческу и спросил, сколько она стоит. «Three piny nine», – сняв улыбку, ответил китаец. Это неизбежное «piny nine» заставило Колина улыбнуться. Он достал из кармана пятидолларовую бумажку и протянул китаецу. Приняв пакетик и сдачу, он поднял глаза и встретил взгляд женщины. Она смотрела на него со значением и неподвижной улыбкой. Она не была похожа на проститутку, и Колин не понял, чего она от него хочет. Он почувствовал какую-то неловкость и не то кивнул женщине, не то просто качнул головой. Обойдя ее, он вышел из магазина и повернул в сторону Бродвея. В том месте, где Бродвей разветвляется на Ист и Вест, он остановился и стал смотреть на здание «Панамэрикен» и на всемирно известную сияющую рекламу SONY.

Поручение

Колин прошел вымощенной желтоватым кафелем длинной, как тоннель, аркой во двор этого когда-то богатого дома с внутренним садиком из нескольких тонких черных деревьев и прозрачных осенних кустов. Посреди садика, окруженный ущербной балюстрадой, бездействовал подплывший ржавыми потеками фонтан. По углам и еще слева и справа размещались шесть подъездов с тяжелыми, резными, сохранившимися с дореволюционных времен дверями. Колин немного постоял, соображая, и подошел к средней правой. Внизу, в подъезде было темно и пришлось посветить зажигалкой, чтобы найти на общем почтовом ящике номер квартиры. Тяжелый лифт за железной, кованой, с растительным орнаментом решеткой не работал, и Колин, направляясь по перилам, поднялся на третий этаж по лестнице, но здесь над одной из дверей горела электрическая лампочка, так что он сразу нашел квартиру и нужную кнопку под наклеенной бумажной табличкой. Здесь двери тоже были резными и довольно хорошо сохранившимися, и на вымощенной двухцветным кафелем площадке было довольно чисто. Колин подумал, что, может быть, такие дома внушают жильцам уважение и не позволяют слишком много

сорить и пакостить, хотя, конечно, их общественная принадлежность и не дает поддерживать их в нужном состоянии.

Женщина, открывшая ему дверь, была седой, аккуратно причесанной, с большим и грузным телом в темно-фиолетовом, прямом платье, но выглядела беспомощной.

– Вы Колин? – спросила она доброжелательно, но без улыбки, как будто ожидала соблезнования. – Что ж вы стоите? – сказала она потом, немного отступая. – Заходите. Не откажетесь от чашечки чая?

Колин поколебался, но ему показалось неудобным отказываться. Чистым коридором женщина провела его в комнату, которая не показалась ему особенно большой из-за стоявшего посередине рояля, и когда он вошел, его обволокло плотным, тяжелым, застоявшимся запахом, валерьянки, ихтиола, еще каких-то снадобий – запахом благопристойной старости и одиночества. Вокруг было много комнатных растений в горшочках и на жардиньерке, какие-то столики, темные, бронзовые фигурки, подсвечники – все это напомнило Колину детство, но не вызвало ностальгии. Он выпил чашку чая с овсяным печеньем и добросовестно ответил на все вопросы старой дамы. Она, кивая седой головой и моргая, проводила его до двери и пригласила заходить, и Колин обещал, хотя думал, что вряд ли придется. Он постоял еще несколько секунд на площадке и зачем-то оглянулся на закрытую дверь. Потом, торопясь, он сбежал по лестнице до нижней площадки, и человек, встретившийся с ним в дверях, был поражен выражением его лица.

Шорох

Колин подошел к окну и остановился над подоконником. Смотрел за окно так, как будто там была пустота. Тихий шорох раздался откуда-то слева. Он повернул туда голову. Женщина с каким-то предметом в руках прошла через комнату и скрылась в противоположной двери. Там шелковая зеленая портьера качнулась над ее головой. Колин проводил ее взглядом и хотел продолжать осмотр, но увидел, что хозяин стоит, прислонившись к столу, и смотрит на него. Взгляд его сейчас был немного другим, уже не таким отчужденным.

Прозвучали и замерли в глубине коридора шаги. Где-то на кухне гремели кастрюли. Кто-то пустил воду в ванной и кто-то кричал за дверью в глухой телефон. Солнце стояло в зените, но все картины на стене были видны так отчетливо, как будто в комнате не было воздуха. Колин с удивлением увидел голубую вену на виске художника, а под левой бровью у него был маленький шрам и на желтых затылках редкий, черный пушок, – и, клянусь, он только сунул руки в карманы и сейчас же вынул их.

Угорь

Действующие лица

Игорь. Появляется время от времени как бы в воспоминаниях.

Ростик. Сын Игоря лет тридцати пяти.

Стасик. Сын Игоря. Немного младше Ростика.

Владик. Сын Игоря. Молодой человек лет двадцати восьми.

Ольга. Женщина лет тридцати, чье положение не совсем ясно.

Отщепенец. Сектант, бывший актер.

Бахрома. Появляется только в воспоминаниях.

Большая, светлая комната, обставленная старинной, вероятно, антикварной мебелью, но эта мебель в плохом состоянии и ее не много. Справа по задней стене дверь,

в которой видны несколько ступенек винтовой лестницы, слева по той же стене два окна, завешенных шторами. Между окнами старинное трюмо, завешенное каким-то покрывалом. Есть несколько картин, старинных и современных. В комнате сидят и стоят Владик, Стасик, Ростик и Ольга.

Владик. Вот так.

Ростик (*потеряно*). Так.

Ольга. Да.

Стасик. Ха-ха! «Наши сети притащили мертвеца»... стихотворение... Беранжера!

Ростик. Перестань. Не повод шутить.

Стасик. Уж какие тут шутки.

Ольга. В самом деле.

Стасик (*мрачно*). Да уж... Это я просто так. Цитировал. Чисто нервное.

Ольга. Нашел случай.

Ростик. Как же это?

Владик. Я позавчера во сне видел, как ел.

Стасик. Да мы, вроде бы, не голодали.

Ростик. Ну, когда человек видит такие сны, это уж последнее дело. Ни за что не стал бы смотреть такие сны.

Владик. Да я и не стал, я проснулся.

Ростик. Как же это он все-таки.

Владик. Кто знает?

Ростик. Случайно?

Стасик. Будем надеяться.

Ростик. Смешно.

Стасик. Что смешно?

Ростик. На что надеяться? На то, что уже произошло?

Ольга. Чтобы оно произошло не так.

Владик. А как?

Ростик. Случайно.

Ольга. Нет, не похоже на него... Взял да и запутался. Он такой сильный был, ловкий.

Стасик. Похоже не похоже, а вот...

Владик. Испортил похороны, дурак.

Ростик. Не смей?

Владик. Я тоже цитирую, а вообще, говорили ему, не ходи один.

Стасик. Может быть, он как раз был не один.

Ростик. Что ты имеешь в виду?

Стасик. Мне кажется, у него была какая-то идея.

Владик. Да, уж у него всегда были всякие несуразные идеи, весь в идеях, никогда ни на кого не обращал внимания.

Ольга. Не всегда, и нельзя сказать, что ни на кого. Но действительно, последнее время он как будто не слышал, что ему говорят. Все о своем. Похоже, в самом деле была какая-то идея.

Стасик. А может быть, не идея, а подозрение?

Владик. Ты о чем?

Стасик. Знал бы...

Ростик. Да нет, просто возраст уже не тот, силы не те. Не справился. Если б послушался, не ходил в одиночку...

Пауза

Ольга. Надо было следить, я говорила.

Владик. А чего следить? Он всех посылал и всё.

Ростик. Было такое впечатление, будто он хочет остаться один.

Стасик. Интересно почему.

Ростик. Может быть, он с кем-то встречался? Не хотел, чтоб его видели?

Стасик (*оглядывается на Ольгу*). Ты думаешь...

Ростик. Нет, он никого не хотел втягивать...

Ольга. Ты думаешь, дело не в рыбалке?

Стасик. Отщепенец, наверное, знает.

Ольга. А это кто?

Стасик. Отщепенец?

Ольга. Да. Кто это?

Стасик. Это в районе. Он одно время сектантом был. Не простым. Был у них духовным отцом, а потом... (*Думает.*) Впрочем, ты его знаешь. Знала.

Ольга. Я? Знала?

Стасик. Знала. Он тогда старого придурка изображал. Того, чье вранье потом еще и сбылось.

Владик. Ну да. А потом, когда их затею прикрыли, он секту основал. Позже еще какую-то придумал, так что все разбежались. Просто перестали ему верить.

Ростик (*неуверенно*). Но он... Он, похоже, и в самом деле ясновидящий.

Владик. Был бы ясновидящий, выступал бы по телевизору. Большие бабки мог бы загребать.

Ростик. Тебе всё бабки.

Стасик (*задумчиво*). Сидели там, в подвале...

Ольга. Ну, ерунда.

Пауза

Стасик. Я точно говорю, сидели в подвале, а потом их выкурили. Тут все и разбежались. Он один остался. Точно говорю.

Владик. Ладно, что воду в ступе толочь, надо что-то делать. Надо сообщить куда надо. А то еще на нас свалят.

Ростик. Сообщить-то, конечно, надо, только вот когда будут. Сегодня пятница.

Стасик. Черная пятница.

Ольга. Ой, правда, сегодня тринадцатое.

Ростик (*мрачно*). Надо же так подгадать.

Владик. Да уж, выбрал денек. Такой пижон. Как жил, так и умер.

Ростик. Да заткнись ты. Ну не утопился же он.

Владик (*усмехается*). Он мог.

Стасик. Там, в кочегарке не слишком тепло?

Владик. А ты знаешь место прохладней? Летом.

Стасик. Да, прохладней разве что море.

Владик (*оживляется*). Море? Хорошая идея, хорошая идея.

Стасик. Кто поедет?

Ростик (*пожимает плечами*). Да хоть я. Тошно сидеть здесь.

Стасик. Надо что-то делать.

Ростик. С рыбой-то как-то не хорошо. Как-то не так.

Владик. Это ты правильно. Очень даже правильно.

Стасик. Я и говорю.

Ростик. Так сделайте что-нибудь, пока я езжу.

Стасик (*сомнамбулически*). Газеты, газеты... Ты там, Ростик, все-таки зайди к Актеру.

Ростик. К Актеру? Зачем?

Стасик. Он газеты читает. Все знает.

Ростик. Чего мы не знаем?

Владик. Возьми у него ивовую корзину – он хорошо их плетет.

Ростик. У нас есть.

Владик. Предлог.

Стасик. Да, предлог. Он газеты читает, Сказочник.

Ольга. Зачем газеты?

Стасик. Это не такие газеты. Другие. Явятся, а потом опять пропадут. *(Делает руками неопределенные жесты.)* Такие какие-то...

Ольга. Виртуальные, что ли?

Стасик. Не совсем виртуальные, хотя... может, и виртуальные. Во всяком случае, не такие. Из них больше узнать можно.

Ростик. Про папу, что ли?

Стасик *(неуверенно)*. Ну, про папу.

Владик. А мы что, чего-нибудь не знаем? Хотя *(усмехается)* предлог.

Стасик. Да, предлог, якобы за корзиной.

Ростик. Так у нас же есть одна. Хватит.

Стасик. Какой ты непонятливый. Владик же сказал, предлог. Просто разведать надо, что папа, как папа... Может, он так решил, а может *(думает)* они решили. Если Актер читал газеты...

Ольга *(резко)*. Кто они?

Стасик *(нехотя)*. Ну, эти... Не знаю. Если он кого-то подозревал.

Ольга напряженно смотрит на Стасика. Явно не понимает.

Ростик. Ты думаешь, такое в газетах печатать будут?

Стасик. В тех, может, и будут. Это же не для всех.

Ольга. Да вы что, в самом деле верите в эту чепуху? Подозрения, газеты...

Стасик. Да нет, в газеты я не верю. Просто думаю... Он ясновидящий. А про газеты он просто так говорит, для убедительности, потому что в ясновидение никто не верит. Вот он и выдумывает, что ему газеты являются. В газеты все верят. Купи, Ростик, корзину. Может, он что и скажет?

Владик. Не спорь, купи. Что тебе?

Ростик *(пожимает плечами)*. Ладно, зайду. Только я там у него не был. Как его найти?

Стасик. Сорок первая примета. Там напротив магазин. Такая лавочка «Рыбные товары и конфискат». Это если от Наричательной, то направо, а дом номер тринадцатый. Ха, надо же, тринадцать! Тринадцатое число, пятница и дом номер тринадцать. *(Пораженный, качает головой.)* В общем, Ростик, как войдешь во двор, первый подъезд. Там будет семь ступенек вниз. Именно семь, не восемь. Повтори.

Ростик. Семь не восемь.

Стасик. Нет. Не семь не восемь, а семь, а не восемь. Другая интонация, понимаешь?

Ростик. Чего ж здесь не понять.

Идет в левую кулису. На ходу достает из кармана пачку сигарет.

Владик *(вдогонку)* Новая?

Ростик *(растерянно)*. Что, новая?

Владик. Я спрашиваю, новая пачка?

Ростик. Да, новая.

Владик. Тогда не забудь отклеить акцизную марку.

Ростик. Хорошо, не забуду.

Уходит

Ольга. Правда, нехорошо. Неаккуратно. Надо что-то сделать.

Стасик. Конечно, не аккуратно.

Владик отводит Стасика в сторону, что-то тихо говорит ему. Стасик отвечает ему удивленными жестами, потом говорит, видимо, что-то возражает, переговариваются, время от времени слышны отдельные реплики.

Стасик (*пожимает плечами*). Не так же хоронить.

Владик. Вот именно.

Стасик. Ты что, рехнулся?

Владик. Ну да. А зачем Ростика к Актеру послали?

Стасик. За информацией, зачем еще.

Владик снова убеждает в чем-то сопротивляющегося Стасика.

Владик (*насмешливо*). Ну-ну... И ты думаешь, это лучше?

Стасик. Почему лучше?

Владик. Это я спрашиваю, почему лучше. Чем огонь лучше червей?

Стасик (*с отвращением*). Да, какие-то опарыши.

Ольга (*прислушиваясь*). Вы о чем?

Владик. Да так, о судьбе человеческой. Вчера был человек, а завтра... черви.

Ольга. «Пред кем весь мир лежал в пыли...» Да, вот так и он, хотя мир, конечно не лежал. Да ему это и ни к чему было.

Владик (*Стасику*). Вообще-то, котелок у тебя варит. Насчет всяких идей...

Стасик. Чего?

Владик. Я говорю, работает голова.

Стасик. Не пойму, о чем ты.

Владик. Ну да, только делаешь вид.

Стасик. Маяк?

Владик. Маяк.

Стасик. Нужен не нужен, а куда не уйдешь. Так и будешь здесь сидеть, пока всех не пересидишь.

Владик. Интересно, это почему же?

Стасик. Да потому, что для тебя весь мир здесь. Ты только у своих отжимать горзд. Да и вообще с чужими ты не сможешь.

Владик. А это почему?

Стасик. Потому, что они тебе ничего не дадут.

Владик. А мне и не надо.

Ольга. А почему папа вас так назвал?

Владик (*грубо*). А тебя почему?

Ольга. Меня? Ты спрашиваешь, почему Ольгой?

Владик. Ну да, Ольгой. Почему?

Ольга. Ну, имя как имя. Многих так зовут. А вас почему?

Стасик. Как?

Ольга. Ну, вроде как одинаково. Кто не знает, Славой назовет.

Стасик. Потому и назвал, что Слава. Что, не понятно? Думал, вырастем, прославим род. Сами прославимся. Кто в чем. Чему он нас только не обучал. На всякий случай. Говорил: мало ли, если захочется, так чтоб навыки были.

Владик. Главное, ничему путному.

Стасик. Ну, может, и так. А что может быть путного? Он же не мог нам дипломы выдать. Кто хотел, тот научился, а ты сам не хотел. (*К Ольге.*) Папа всегда подогревал в нас честолюбие, стремление к первенству. И шутки, и розыгрыши у него были такие. В детстве иногда крикнет «Слава!», и мы к нему – наперегонки. А кто первый добежит, он по головке гладит, вот говорит, Слава. И ты, Владик, молодец, и ты, Ростик. Видишь, остальные молодцы, а кто первый – Слава.

Владик. Или так: «Это Слава, а это Стасик, а это Ростик». И так бывало.

Стасик. И так бывало, если у меня нога заболит.

Владик. Ну да, ты всегда был самый шустрый.

Стасик. Да будет тебе. (*Ольге.*) А вообще, папа нас действительно любил и хотел для нас многого. И он надеялся на нас, всякие премудрости в наши головы вбивал. И музыкой занимались, и рисованием, он же все умел, папа... А из Владика хотел артиста сделать. Он иногда и сейчас такую рожу скорчит. Стыдно смотреть.

Владик. Врешь ты все. Это он из тебя хотел артиста сделать.

Стасик. А потом он перестал обращать на нас внимания. Будто нас нет. А почему?

Владик. Это у него вторая молодость началась. Седина в бороду – бес в ребро. Бывает.

Ольга. Понимаю, на что ты намекаешь. Ошибаешься. Просто увидел, что здесь больше нечего делать, и решил... (*Махнет рукой.*) И вообще, это всё кино.

Владик. Ну да, кино! А когда провалилось, ты просто так стала на маяк бегать? За сказками?

Ольга. Может быть, и за сказкой. За одной.

Стасик. Дурак ты, Владик. Жлоб ты.

Владик. Хочешь, я тебе что-то скажу.

Стасик. Не хочу.

Владик. Но я все равно скажу.

Ольга. Не ссорьтесь.

Стасик. Да я не поспорюсь, даже если он захочет. Вот не буду и всё.

Владик. Только чтобы мне насолить.

Стасик. А ты хочешь?

Владик. Чего?

Стасик. Ну, поспориться.

Владик. Нет, с чего ты взял?

Стасик. Не время, надо дело делать.

Владик. Верно. Тут я перед тобой шапку снимаю. Я ж говорю, самый шустрый. Мне бы такое и в голову не пришло.

Стасик. Вот пришло же. Как раз тебе, а не мне.

Владик. Говори-говори. А кто про Сказочника затеял?

Ольга. О чем вы?

Владик. Да так, не женское дело.

Ольга (*обиженно*). Нашли момент считаться, что женское, что мужское.

Владик. Да нет, я в том смысле, что лучше будет, если мы его сами в порядок приведем. Как ты думаешь? Вымыть надо, и вообще, в каком он виде.

Ольга. А-а-а, вы об этом? Да, пожалуй, вам лучше.

Владик отводит Стасика в сторону, о чем-то тихо говорят.

Стасик (*возмущенно*). Опять ты про то же!

Владик. Ну а что, если его угораздило именно в пятницу?

Стасик (*вздыхает*). Да, да еще в черную.

Владик. Я – не про то. Я про эти три дня. Пока они сюда приедут. Нам-то что делать? *(Что-то тихо и темпераментно доказывает.)* Твоя идея.

Стасик *(возмущенно)*. Опять моя?

Владик. Ну, он всегда любил море. Разве не лучше?

Стасик *(потерянно)*. Да, Может быть, и лучше.

Владик. Вообще-то, правда, что добру пропадать?

Стасик. Ты считаешь, что это добро?

Владик. Ты сам говоришь.

Стасик. А Ростик?

Владик *(пренебрежительно)*. А, еще один джентльмен, яблочко от яблони... Да пока он еще вернется. Путь-то не близкий.

Ольга. Не вздумайте там напиться. Не время.

Владик. Нет-нет, что ты, и в мыслях не было.

Стасик *(грустно)*. Нет, не было.

Уходят

Ольга *(задумчиво)*. Идеи, идеи. И эта. Надо же. Вроде бы так, существо. Свинья не свинья, а что-то вроде морской звезды или медузы, у которой лапки этак ресничками посредине, и к ней поросята стекаются всё пососать. *(Ходит по сцене.)* Да, стекаются... Всё пососать.

(Действительно, это надо оформить как виденный ею сон. Где-то дальше она рассказывает.)

За сценой шум автомобиля. Машина не удаляется, а, по-видимому остановилась поблизости.

Кто бы это? *(Трясет головой.)* А, какая разница? Ясно, что не эти, они еще не знают. Ведь Ростик только уехал. *(Задумывается.)* Туман, мечты, грезы, юная девушка бродит... Кина не будет, а маяк... Здесь была таверна.

Подходит к роялю, садится за него, берет несколько аккордов. Поет.

Девушку из маленькой таверны
Полюбил суровый капитан,
Девушку с глазами дикой серны
На губах с улыбкой, как кристалл.
Полюбил за пепельные косы,
Алых губ нетронутый коралл,
В честь которой грубые матросы
Не один наполнили бокал.

Входят Владик и Стасик, смотрят на нее.

Владик *(недоуменно)*. Чего это она? *(Вертит пальцем у виска.)* Крыша, что ли, поехала.

Стасик *(пожимает плечами)*. Ну, наверное, от потрясения.

Владик. Ну, я ж говорил, тут Шуры-муры.

Ольга *(оборачивается)*. Нет, хухры-мухры. *(Продолжает петь.)*

Каждый год с апрельскими ветрами
Из далеких и богатых стран
Белый бриг, наполненный дарами,

Приводил суровый капитан.

(Встает, поворачивается к братьям, жестом руки обводит все помещение.) Вот здесь была таверна. Здесь стояли столы. Грубые такие, деревянные столы. И стулья. Тоже грубые. И матросы грубые. С трубками. Дым столбом, специально пиротехник проходил и дымил.

Владик снова вертит у виска пальцем.

Кто это был, что за машина?

Стасик *(несколько смущенно)*. Да так один на грузовичке. Должен был заехать. С того берега.

Ольга. Могли бы и Ростика с ним послать. Хоть в одну сторону. Велосипед у него складной. А назад сам бы приехал.

Стасик. Да как-то за всеми этими делами... Мы и забыли, что он должен приехать. Да и вообще не сообразили.

Пауза

Ольга *(как бы вспоминая)*. Все это было в полнолуние. В полнолуние всегда так бывает. Если где-нибудь поблизости гороховое поле...

Владик. Где, это?

Ольга. Да здесь, неподалеку. Не перебивай.

Владик. Это оборотни в полнолуние.

Ольга. Не только оборотни. Также и угри.

Владик. Ну так что?

Ольга. Ну, они выползают на горох. Любят горох. Вот поле, а они по всему полю, как пиявки, черные, блестящие, так и вьются.

Владик. Ты уверена, что угри, может, вьюны?

Ольга. Нет, угри, папа сказал. Вьются, вьются, блестят, не вьюны. Мы там с папой были. Он сказал, угри. В полнолуние, это всегда в полнолуние. Так он сказал, и мы специально дожидались. Так договорились. И вот было полнолуние, и мы пошли...

Владик. Что шуры-муры?

Ольга. Нет, хухры-мухры. Всё среди угрей. Они, черные, блестящие, извивались, извивались в лунном свете.

Владик. Кто извивался?

Ольга. Угри, кто же еще. А папа рассказал мне про Саргасово море.

Владик. Ну и что же он рассказал?

Ольга. Угорь? Он рождается в Саргасовом море. Только в Саргасовом море, больше нигде. И всю жизнь стремится туда, чтобы там и умереть. Это ностальгия. Он отправляется в дальние страны, то есть в дальние моря, где только не бывает. В Балтийском море и в Бискайском заливе и в Проливе Лаперуза и даже в реке Ян Цы Цзян. Из морей он добирается до рек и озер, даже до маленьких ручейков, и там его ловят. Что там, он может появиться из водопроводной трубы: здравствуйте, я ваша тетя. А потом окажется в канализации и оттуда вместе со всеми отходами, с нечистотами, со всем дерьмом в протекающей через город реке, а из реки снова в море и в океан и так далее... Но все равно, где бы он ни оказался, отовсюду он стремится в Саргасово море. Не всегда добирается, но стремится всегда, и если ему это удастся, он рождает новых угрей и чистый, черный, блестящий, умирает там.

Владик. Но зачем же он покидает Саргасово море?

Ольга. Не уйдешь – не вернешься.

Владик. Глупая рыба.

Стасик (*входя, вталкивает Владика*). Уж, конечно, ты бы не стал.
Владик (*оборачиваясь*). Конечно.

Пауза

Ольга. Славы? (*усмехается*.) Быстро вы обернулись. Мне надо, наверное, одежду собрать?

Владик. Успеешь.

Стасик. Чего-чего, а этого у него всегда хватало.

Владик. Такой был пижон.

Ольга. Нехорошо так об отце, тем более о покойном.

Владик. Ну, щеголь. Разве неправда?

Ольга. Кому от этого плохо?

Владик. Да нет, просто смешно. В его возрасте.

Ольга. Тебе-то наплевать. (*Критически смотрит на него*.) А скажи, на что тебе не наплевать?

Владик пожимает плечами.

Ты что-нибудь любишь?

Стасик. Всё. Он все любит, только так, чтобы пальцем не шевельнуть.

Ольга. Странно. Такой молодой и такой... Какой-то безразличный. Вот отец... Весь – темперамент, предприимчивость, а ты... Какой-то...

Владик. А что, здесь где-то поблизости гороховое поле? Или вы куда-нибудь далеко ходили?

Ольга. Живешь здесь и ничего не знаешь. Оно по другую сторону бухты, рядом с нами.

Владик. В лунную ночь. (*усмехается*.) Романтика. Он был романтичный, наш папа.

Ольга. Не в пример тебе.

Стасик. И давно это было?

Ольга. Да нет. Ну, маяк тогда еще не принадлежал вашему папе. Он тогда вообще никому не принадлежал, он ведь давно не работал. А потом перестали финансировать, и работа прекратилась. Ну, нам пришлось уехать. Потом маяк хотели разрушить, но раздумали. На этом мыску... Что здесь построишь? Вот Игорь и купил его. Он всегда ему нравился, этот маяк. А таверна... Так, мечта. (*Пауза*) Погоди. Странная одна встреча.

Владик (*недоверчиво*). Встреча? Ночью, на гороховом поле?

Ольга. Ну да. Действительно странно. Я еще тогда обратила внимание, но потом как-то... как он там оказался? Мы тогда их ловили руками, ну, это легко. Можно сказать, собирали. Сначала руки в песок, чтоб не скользило, а потом... И как раз разогнулись, а тут через поле к нам идет кто-то... или, может быть, некто. Луна, а он в черном кожаном пальто, и оно блестит. Блестит, как эти угри. Только этот не угорь. (*Усмехается*.) И он идет через поле прямо к нам, шагает. Я думала, к нам, потому что... ну... Ну, с чего ему там быть? Но он, проходя, только посмотрел на нас и улыбнулся. Нехорошая такая улыбка. И прошел. И я чувствую, папе стало не по себе.

Владик. Это все маяк. Говорил я ему: зачем тебе этот маяк? А он мне: тебе этого не понять.

Ольга. Я ж говорю, он всегда ему нравился.

Стасик. У него идея была. Вернуться. Он все оттягивал, потому что он чувствовал. Чувствовал, что вернуться – это значит умереть. Он, в общем-то, не боялся, но все равно кому охота... Вот он все оттягивал, оттягивал, потому что понимал, что когда вернется, это конец. А с другой стороны, его тянуло. И вообще, ведь можно не успеть. Вот этого он больше всего и боялся.

Владик. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Стасик. Очень кстати.

Ольга. Да уж.

Стасик. Но ведь маяк это свое, он и раньше был. Просто на какое-то время был отложен, а папа, он никогда особенно далеко вперед не загадывал.

Владик. Что-то ты сам себе противоречишь: с одной стороны, знал, с другой, не загадывал.

Стасик. Да уж и не знаю...

Владик. Не загадывал, а угадал. Хоть раз в жизни, да получилось.

Ольга. Ты о чем?

Владик. Да вот как раз об этом.

Стасик. Да нет. Я это к тому, что нельзя было не успеть. Мог бы и не торопиться.

Ольга. А может быть, он из-за вас торопился?

Стасик. Почему?

Ольга. Что-то этот, в черной коже, не идет у меня из головы. Его улыбка... Где-нибудь: как будто он напомнил, что дескать пора.

Владик (*Стасику*). Так хочешь, я тебе что-то скажу?

Стасик. Вот пристал. Ну хорошо, говори. Чего тебе?

Владик. Да мне-то ничего. Я про папу. Ну и про нас тоже. Вернее, про папу и про нас. Знаешь, как он к нам относился?

Стасик. А как? Все для нас делал. Можно сказать, всю жизнь положил.

Владик. Послушай, он когда-нибудь тебя Стасиком называл?

Стасик. Случалось.

Владик. А Ростиком?

Стасик. Ну, случалось оговориться.

Владик. Оговориться?

Стасик. Оговориться.

Владик. А наедине?

Стасик. Что наедине?

Владик. Наедине он тебя как называл?

Стасик (*думает*). Славой.

Владик. Вот видишь?

Стасик. Что, видишь?

Владик. А то, что и меня Славой. И Ростика, наверное, тоже.

Ольга. Ну и что? Ты же сам говорил, что Слава это у него как похвала. Не мог же он кого-нибудь одного выделять, когда вы все вместе. А если бы всех стал славами называть, вы бы сами себя перепутали.

Владик. Вот-вот. А так он один путал. Он просто не знал, кто есть кто. Когда мы были вместе, и то путал, а уж по отдельности, он вообще не знал, с кем говорит. Потому и называл Славой. А знаешь, почему?

Ольга. Почему?

Владик. Наплевать ему было на нас, вот почему?

Стасик. Ну, не говори. Ты помнишь, в детстве, как он тебя или Ростика, да и меня тоже на колени посадит, ногой на педаль жмет, а твоей рукой, ручкой еще тогда, да... (*Пауза.*) Хотел из нас людей сделать.

Владик. Лучше б обеспечил как следует, вот и были бы люди.

Стасик. Просто он растерялся. Не ожидал такого поворота. Да и не было у него коммерческой жилки.

Владик. Чего не было, того не было. Аристократ хренов.

Стасик. Ладно тебе. О покойнике или хорошо, или ничего.

Владик. Тогда ничего. Ладно, пойду – посмотрю, как там что.

Уходит.

Ольга. В чем-то они похожи.

Стасик. Ну да. Оба хотят быть независимы. Теперь один. Этот хочет быть независим от отца.

Ольга. Ну да, только от отца. Но его отец не искал сообщников.

Стасик (*испуганно*). В каком смысле?

Ольга. Ну, папа-то был сам по себе, а вот Владик наперекор ему, берет сторону тех, кто всегда был папе особенно противен.

Стасик. А, в этом смысле?

Ольга. А в каком еще...

Стасик. Да я боюсь, не зашел бы он слишком далеко. Вот ты рассказала мне про эту встречу под луной, а у меня мурашки по коже. Потому что я подумал: этих кожаных пальто, конечно, много на свете, а что если... И ты говоришь, что вроде папе стало как бы не по себе.

Ольга. Ну, может быть, не совсем так...

Стасик (*не слушая*). Мы там стояли у окна. Мы тогда жили на том берегу. Это еще до кино было. Там такое огромное полуциркульное окно, а внизу огни, огни, светятся окна ресторанов, буквы над магазинами горят, машины, публика снует туда-сюда, и вдруг папа берет меня за руку, показывает вниз, через улицу, на противоположный тротуар и говорит: видишь вон того человека в кожаном пальто и с газетой в руке? Я говорю: где? Не сразу увидел. Ну, вон, говорит, вон. Вон он поворачивается, видишь? Тут я увидел, только он уже почти отвернулся. Да, говорю, вижу. Не доверяй этому человеку, это Бахрома. К тому времени он уже все знал о нем, но было поздно

Ольга. Мы всегда узнаем, когда уже поздно.

Стасик. Потому что тогда уже никто ничего не скрывает.

Владик (*входит. Вероятно, он подслушивал за дверью*). Ну да, чего скрывать, когда уже надул?

Стасик. А папа... Знать бы, где упасть, соломки постелил.

Владик. Да, знать бы.

Стасик. Или надел спасательный жилет.

Владик. Что ты имеешь в виду?

Стасик. Может быть, все и не так просто. Может быть, тот испугался.

Владик. У тебя мания преследования.

Стасик. Может быть. Ну, как там? Как там наш папа?

Владик. Придется хоронить в закрытом гробу.

Стасик (*вздыхает*). Да уж, конечно, после всего.

Владик. Да нет, я вообще.

Стасик. Почернел весь.

Владик. Да он и всегда был смуглый.

Стасик (*отрешенно*). Наверное, в нем была азиатская кровь.

Владик. Да, не нашего рода.

Ольга. Не вашего?

Владик. Какой-то он был не серьезный. Так ко всему относился, как будто оно ничего не стоит. Неудачник, одним словом.

Ольга. Неудачник? А ты?

Владик. Что, я?

Ольга. Вот именно, что?

Стасик. Ну да, он вообще предпочитает ничего не делать. Если ничего не предпринимать, откуда возьмутся неудачи?

Владик. Делай, не делай, результат один.

Стасик (*усмехается*). Ну, конечно, все там будем.

Владик. Да у него это всегда было, с самого начала, ты же рассказывал. Язык у него был длинный. Что, разве не в этом дело?

Стасик (*к Ольге*). Ну, там один был. Не сказать, чтобы самый худший, но, в общем, один из тех. Потому что они когда там были, папа сказал. Я, говорит, видел, но только это черно-белая копия. Он же не знал, что они это не законно. А представитель говорит, как? Он понял, что ляпнул, но не отказываться же? А тот все на ус мотал. А потом, когда ехали обратно, он в купе ему говорит. Ну, говорит, что мы будем кушать? А папа ему, это ты, говорит, что будешь кушать? Вы все, говорит, кроме как жопу лизать, ничего не умеете, а я-то себя худо-бедно как-нибудь прокормлю. Ну, тот понял, никому не сказал. Потому что какая ему от этого выгода? Это так тогда было. Ну, тогда папа стал к нему присматриваться. Однако, как я понимаю, слишком доверился. Он такой был, папа.

Владик. Да, такой и был.

Стасик. А Бахрома.

Владик. Бахрома где-то вертится, он свое взял.

Стасик. Всё ли? Да и он ли один?

Владик. Все. (*Неуверенно.*) Думаю, что всё.

Стасик. А если не всё?

Владик. Ну, во всяком случае, они с ним были давно знакомы. Бахрома потом в другую сторону пошел.

Стасик. Нет, так всегда было. Папа говорит, он раньше такой четкий был, какое там казино – и слова такого не было. Они тогда всё искали таких, как папа. Позже он вообще стал штатным.

Ольга. Каких? Почему искали?

Стасик. Ты про что?

Ольга. Ну ты сказал, этот Бахрома искал таких. Каких?

Владик. А-а, таких, знаешь ли... не таких. Сейчас ведь тоже не любят. А кому понравится?

Ольга. Мне нравится. А почему искали?

Стасик. Работа, в смысле определяли. Сейчас не определяют, но и... как бы это сказать?

Ольга. То есть он, наверное, кого-то раздражает?

Владик. Еще бы! Фу ты, ну ты! (*Пауза.*) Если б он не умел драться...

Ольга. А он умел?

Владик. Что умел, то умел. Мог бы и нас научить. Единственное, что могло бы в жизни пригодиться.

Стасик. Да не ври ты. Не стал бы ты учиться, как и всему остальному. Ну, правда, с Бахромой совсем другие дела. Они ведь были знакомы с давних времен. Папа говорит, они и говорили тогда на разных языках. Были слова, которых, такие, как Бахрома, не употребляли, даже знать были не должны. Не только слова, вообще понятия. И все понимали, что этого им говорить нельзя. Музыка тоже.

Ольга. Даже музыка?

Стасик. И музыка, и картины и кино. Вообще, за маяком как бы ничего не было. Все здесь. Можно было, но только для дела. Такие правила. Папа мне объяснял, но я не совсем понял, потому что теперь вроде как по-другому.

Уходят.

Ольга. Рано или поздно что-то в этом роде должно было произойти. Всегда знала, что до смерти не доживет. (*Пауза.*) И не дожил. Вот так. Это так, случайность, конечно, несчастный случай. (*Пауза.*) Но как-то все-таки оно уж очень логично, к тому все шло. Эти сети... (*Пауза.*) Могли быть и не сети... Все равно. Не то, так другое. (*Ходит по сцене.*) Эти? (*Кивает в сторону ушедших.*) Да, он не в них. Не в них? (*Смеется.*) Отец не в сыновей. Все наоборот. Такие основательные, а он весь рискованный, несерьезный. Не взрослый. Разве что Ростик? Этот какой-то неприкаянный. (*Останавливается, думает.*) А

руки зарывать в песок это, конечно, хороший способ. Мокрые руки в песок. И... как засмеется. Какой смех у него был. Всегда неожиданный. *(Думает.)* Да, кто-то из нас не вовремя родился. *(Пауза.)* Похоже, что все.

Стасик. Да-а-а?

Владик. Вот зуб даю.

Стасик. Ну если зуб...

Владик. Только так.

Ольга. А как вы вообще все здесь оказались?

Стасик *(машет рукой, вздыхает)*. Расскажи, Владик.

Из правой кулисы появляется Ростик с огромной ивовою корзиной. Бросает корзину, подходит к остальным.

Стасик. Ну что?

Ростик. Я сообщил. До понедельника никого не будет. Сказали: «Пока управляйтесь, как знаете».

Владик. Ну что, я так и думал.

Стасик. А этот что?

Ростик. Кто?

Владик. Ну не тяни. Сказочник что говорит.

Ростик. Только одно слово.

Владик. Какое слово?

Ростик. Имя.

Стасик. Стоп. Я все понял *(Смеется.)* Я так и знал.

Ольга *(нервно)*. Что!

Владик. Мало ли чего. А этот актер, Сказочник, откуда знает? Из газет?

Ростик. Ему привидение сказало. Папино привидение.

Владик. Привидение ошибается.

Стасик. Один ты не ошибаешься. Так?

Владик. Так.

Стасик. А ты откуда знаешь.

Владик. Мне тоже сказали, только не привидение.

Ростик. Кто?

Владик молчит.

Я догадываюсь.

Ростик. Как раз то. Как раз то, о чем мы говорили. А это, значит, продолжение. Значит, этому типу еще что-то надо. Ну, давай, Стасик, рассказывай.

Стасик. Это все началось там, в городе, на Театральной. Там, знаешь, где два памятника. Один Глинке, а другой Римскому-Корсакову. Вот из-за этого Римского-Корсакова, можно сказать, все и произошло. Там был один такой Бахрома. Неприятный тип, но со свойствами. Отец ему почему-то доверял. Вот они шли с этим Бахрома...

Ростик. Бахромой.

Владик. Сам ты Бахромой.

Ростик. Но правильно же с Бахромой.

Стасик. Ну почему? Это имя собственное.

Ростик. Собственные в русском языке тоже склоняются.

Стасик. Ты как папаша. Сам тогда рассказывай.

Ольга. Ну, не ссорьтесь. Расскажите же, я должна знать.

Стасик. Ну хорошо. Шли они с этим самым Бахромой. Прогуливались, а лимузин, тот рядом ехал. Подошли к казино. Поздно вечером это было.

Стасик. А теперь Ростик поехал на велосипеде, и ничего.

Владик. Ну, он так не мог. Он бы даже не понял. Он такой был. Ходил в цилиндре. Хотя в иные времена...

Ольга. Что? В иные времена.

Стасик. Ну, он же из рыбаков. То есть не из рыбаков, а все они там рыбачили. Это на маяке. Ну как не рыбачить.

Владик. А корчил из себя аристократа. И то он знает, и это знает. И манеры, и фу ты, ну ты. С его связями мог бы такие деньги делать.

Стасик (*язвительно*). Чтоб тебе потом на всю жизнь хватило.

Владик (*не замечает иронии*). Почему мне? Всем нам. Очень мог бы.

Ольга. Ну, так что там произошло?

Стасик. Я ж говорю, с Бахромой.

Ольга. Ну!

Стасик. И тут папа говорит.

Стасик. Здесь раньше кино было. Так что им оставалось только две буквы вставить.

А и З, а в целом получалось «АЗ». Понимаешь?

Ольга. Нет.

Стасик. Ну чего ж здесь не понимать? Правда, он тоже не понимает. (*Кивает на Владика.*) Получалось так, что сначала К, потом Аз, а потом Ино. Понимаешь?

Ольга. Смутно.

Стасик. Ну, Аз это первая буква русского алфавита, она же Я.

Владик. Я последняя буква.

Стасик. Ну что ты придираешься? Ольга понимает, о чем я говорю.

Ольга. О чем?

Стасик. Ну Аз по-старославянски Я. То есть не буква я, а я. (*Тычет себя пальцем в грудь.*) Понимаешь?

Ольга. Ну, кто этого не знает? Что дальше?

Стасик. Ну, значит, за Ка идет Аз, потом Ино. Понимаешь.

Ольга. Представляю. Не понимаю только, что ты имеешь в виду?

Стасик. Ну, иной, другой, в общем не такой.

Владик. Скорей, иное.

Стасик. Согласен. Так вот иное. К Аз иное. То есть. К Я иное. Так? А эти буквы, которые они добавили, были другого цвета. Они красные были. То есть иные. Значит, Аз и само иное. А кроме того они не помещались и их поместили сверху, над «кино». В общем, получалась такая неразбериха, да еще и наискосок.

Владик. Ну, это для красоты.

Стасик. Вот папа и обратил на это внимание. Ему бы промолчать, а он сказал об этом Бахrome. Знаешь, говорит, все-таки все это очень странно. Почему ты так сделал? А Бахрома, говорит, что? Ну это, говорит папа. Ведь казино это и есть неразбериха, набор случайностей, странно, когда так выпадает, вдруг все в одном слове и при этом из совершенно другого слова, из «кино». К Аз ино, к Я другое. Странно. А Бахрома говорит: как фишка ляжет. Папа посмотрел на него и все понял.

Владик. Он проницательный был, папа.

Стасик. Себе на горе.

Владик. Это правда. Меньше знаешь, дольше живешь.

Стасик. Так ты считаешь, что папа из-за этого погиб? Из-за того, что все понял?

Владик. Нет, но тогда он все и потерял.

Стасик. Прямо сразу, в тот самый момент?

Владик. Нет, не в тот самый момент. А в тот момент мог кто-нибудь чего-нибудь ожидать, но, как ни странно, тогда ничего не случилось.

Ростик (*недоверчиво*). Так-таки ничего не произошло?

Стасик. Ничего.

Владик. Ну хорошо, тогда ничего, а позже?

Стасик. Когда.

Владик. Потом, когда они мокрые руки совали в песок.

Ростик. Ну, это другое дело. Так всегда делают, чтобы взять угря. Иначе его не возьмешь, выскользнет.

Бикозов. Потому что он был пьян.

Ростик. Кто?

Бикозов. Труп.

Стасик. Пьяный труп?

Бикозов. Нет, он еще живой напился, а потом уже стал трупом. Иначе разве бы он дал так себя объесть?

Стасик. Кому?

Бикозов. Угрям, кому?

Ростик. Так он же мертвый.

Бикозов. Вот я и говорю. Пьяный напился, а потом уже было все равно: что мертвый, что живой.

Стасик (*гаерски*). Мертвецы – не слышат! Мертвецы не чувствуют... Кричи... реви... мертвецы не слышат!..

...где раздавалось пенье рыб...

... где рыбе пенье раздавалось....

Стасик. Испортил похороны, дурак!

Владик тычет пальцем в задвижку, потом хлопает ладонью по трубе, разводит руками, поворачивает лицо к Стасику и Ростику, прикладывает руку к груди.

Стасик также тычет пальцем в задвижку, поворачивает лицо к Владиду, потом прикасается к трубе, отрицательно качает головой, лезет в карман, но не находит там того, что искал, делает двумя руками отрицательный жест.

Ростик чешет затылок, поднимет указательный палец, потом хлопает себя по бедрам, показывает правой рукой поочередно на Владика и Стасика, делает умиротворяющий жест обеими руками, потом кладет руки сзади на бедра и наклоняет голову.

Потом каждый повторяет свою серию жестов, с каждым повторением убыстряя темп, пока серия одного не начинает накладываться на серию предыдущего. При этом они продолжают комментировать свои жесты, но этих комментариев не разобрать. Эти повторяющиеся жесты становятся все быстрее и быстрее.

Под этот рев медленно опускается занавес.

Занавес

Неизвестно откуда голос. Испортил похороны, дурак.

За сценой голос Стасика (*глумливо*). Кареты! Кареты с гербами.

За сценой голос Стасика (*издевательски*). «Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия не дают, чтобы я венчался с тобой...» А леворверт у него огромный и заряжен десятью пулями. «Прощай, говорит, любимая подруга моего сердца!.. решил я бесповоротно... жить без тебя никак не могу».

Сон с поросятами и ресничками – не сон, а просто бормотание Ольги, когда В. и С. уходят и она остается одна. Сны другие, их надо придумать.

Ольга. Я как раз вчера сон видела, странный.

Ростик. Да-да, я тоже его видел. Такое все светится, светится, а посередине оно. Так, существо.

Ольга. Нет, тот другой, про угрей.

Ростик. Ну как же, всё поросята стекаются пососать.

Ольга. Да поросята везде стекаются.

Стасик. Да, поросята стекаются.

Владик. Да, везде.

Пауза

Владик. Ты думаешь, тот сон в руку?

Ростик. Конечно, в руку. Я его тоже видел. Про угрей. Там еще моторная лодка все никак не заводилась, а потом...

Ольга. Нет, это не тот.

Владик. Да, не нашего рода. Можно сказать, паршивая овца. Чужак. Вот и Ростик весь в него. Такой же как он: фу ты, ну ты!

Входят Владик и Стасик.

Ростик. Как с папой? Мы же с тобой были. Это я сказал, что угри.

Ольга. А про Саргасово море тоже ты?

Ростик. Про Саргасово море я не знаю. Что там про Саргасово море?

Ольга. Ну вот видишь. А то «с тобой, с тобой». С папой мы там были. Там он мне все и открыл.

Ростик (*потеряно*). А как же со мной?

Владик. А почему с тобой? Нет, почему с тобой?

Ростик. По кочану.

Ольга. Ну ладно, не ссорьтесь. (*Ростик*) Ты видишь, с папой я была, с папой.

Кто ж знал, что этот маяк станет такой ценностью?

(Кто-то хочет построить ресторан рядом.)

Ростик направляется в правую кулису, на ходу достает пачку сигарет.

Владик (*поспешно показывает пальцем на пачку*). Не забудь отклеить акцизную марку.

Ростик. Не забуду. (*Как бы про себя.*) Придурок.

Отщепенец. И люди думают: большее больше меньшего, а меньшее всегда меньше большего. А что, если наоборот?

Ростик. То есть как?

Отщепенец. Когда меньшее больше большего, а большее меньше меньшего, как этого добиться?

Ростик. Но этого невозможно добиться.

Отщепенец (*усмехается*). Ты думаешь? Они тоже так думали, потому разбежались.

Ростик. Кто разбежался.

Отщепенец (*махнет рукой куда-то в сторону*). Эти. Маловеры. Вспомни: кто был последним, станет первым, и наоборот.

Ростик. Кто был ничем, тот станет всем. Это?

Отщепенец. Это тоже. Только это пустое обещание.

Ольга. А тебе, Владик?

Владик. стакан чаю и соленый огурец.

Владик. Хельсинкский синдром.

Стасик. Не Хельсинкский, а стокгольмский.

Владик. Не важно, хоть Ослинский. (*Пауза.*) Ха-ха-ха-ха! Вот я сказал! Ослиный синдром, ну, ослиный, ха-ха-ха-ха!

Ростик пожимает плечами.

Стасик. Ну, ты бы, конечно...

Владик. Конечно, не умеешь выигрывать, так сумей хоть проиграть, не делай вид, что простил. Не сдавайся. Придет время, возьми свое. А то сдался. Настолько сдался, что сам поверил, ха-ха!

Стасик. Да ничего б ты не припомнил, просто забыл. Рад был бы, что ноги унес, и всё.